ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-220-224

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРАВСТВЕННОЙ НИКАКАЯ ВЛАСТЬ НА ЗЕМЛЕ УКЛОНИТЬСЯ НЕ МОЖЕТ...» (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ю. Ф. САМАРИНА)

23–24 мая 2019 года в Пушкинском Доме состоялась организованная Центром по изучению традиционалистских направлений в русской литературе Нового времени (ЦТН) научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Юрия Федоровича Самарина (1819–1876). Он дорог нам не только как один из «столпов» славянофильства, но и как человек с непререкаемым нравственным авторитетом. Современный исследователь справедливо отметил: «Его достоинства признавались даже отъявленными противниками <...> достоинства не только интеллектуальные, но и моральные — то, что нам труднее всего признать за нашим оппонентом».¹ Как и предыдущие конференции ЦТН (к 190-летию И. С. Аксакова, 200-летию А. С. Хомякова и др.), научная встреча была междисциплинарной. В ней приняли участие не только литературоведы, но и историки, причем не только в тесном смысле слова, но историки философии, журналистики, права.

Вдохновляющее приветственное слово прислал к открытию конференции Б. Ф. Егоров. Приведем его с небольшими сокращениями: «Рад, что в XXI веке не ослабевает интерес к выдающемуся деятелю нашего Отечества <...> жалею, что не смог в молодых годах довести до реализации замысел написать о Самарине статью или главу книги, а материал уже большой собрал и был тогда поражен, как многое совершенно новое оставалось еще неизвестно даже специалистам. Особенно — поразительный радикализм славянофила! В ЦГАОР (ныне ГАРФ) меня поразила жандармская выписка из письма Самарина к А. О. Смирновой-Россет от 31 декабря 1854 г., где обсуждалось убийство видного петербургского сановника Оленина его крепостными; и вот какое Самарин сделал обобщение: „Что сказать о таком порядке вещей, при котором бунт и убийство представляются единственно возможным способом сохранения себя и других — при известной обстановке убийство делается подвигом самоотвержения. C'est Charlotte Cordey délivrant sa patrie de la tyrannie

de Marat».² В этом положении находятся 11 миллионов людей в земле, которая перед Европою называет себя ковчегом закона и порядка“ (ф. 109, оп. 1, ед. хр. 89, л. 23). Против крепостного права выступали все вожди славянофильства, но чтобы прославлять кинжал Шарлотты Корде... тут Самарин оказался уникален. <...> Хочется увидеть разработку трудов Самарина на ниве литературной критики и биографические исследования. Между прочим, прошу учесть ценный справочник о родословной Самарина (начиная с Артамона Матвеева в XVII веке!), сведения о котором почему-то отсутствуют в добротной библиографии к статье Н. И. Цимбаева в 5-м т. словаря „Русские писатели. 1800–1917“: В. Золотарев. Родословные... // Русский евгенический журнал. 1927. Т. 5, вып. 3/4. С. 122–124. Горячо и возвышенно приветствую конференцию к 200-летию со дня рождения Ю. Ф. Самарина!»

Пленарное заседание открыл доклад Е. И. Анненковой (Санкт-Петербург) «„Цепь убеждений связала нас...“ (Юрий Самарин и Константин Аксаков)». Предметом анализа в нем стал характер эпистолярного общения Самарина и К. С. Аксакова, позволяющий дополнить известные представления об отношениях, сложившихся внутри славянофильского круга. В дружеской переписке обсуждались не только идеологические, духовные и эстетические вопросы (об отношениях России и Запада, о неизменности и возможности развития христианского вероучения, о роли научной деятельности в устройении современного общества и человека), но и возможная тактика славянофильского «дела», а также связь поведенческой практики славянофилов с их основополагающими убеждениями. Самарин пытался смягчить «исключительность» позиции К. Аксакова, настаивая на необходимости большей терпимости по отношению к другому мнению или типу жизни, однако позднее признался, что в немалой степени благодаря твердости его друга «мысль московского кружка проникла гораздо дальше и гораздо глубже», чем он предполагал.

Еще в конце 1840-х годов окрепла дружба Самарина с младшим братом К. Аксакова, Ива-

¹ Тесля А. Юрий Федорович Самарин... // «Я любил Вас любовью брата...»: Переписка Ю. Ф. Самарина и Э. Ф. Раден (1861–1876) / Отв. ред. О. Л. Фетисенко. СПб., 2015. С. 5.

² Это Шарлотта Корде, освобождающая отечество от тирании Марата (фр.).

ном Сергеевичем. Самарин стал одним из многих его ближайших помощников в издании газеты «День». Недавно вышедшее научное издание их многолетней переписки³ вызвало новый всплеск исследовательского интереса к истории и «идейной проблематике» взаимоотношений Самарина и И. Аксакова, особенно в пореформенную эпоху, что подтвердил и доклад Н. Н. Вихровой (Великий Новгород) «И. Аксаков и Ю. Самарин о христианском идеале (аспекты закона и свободы)». Исследовательница проследила, каким образом исповедуемый ими христианский идеал интерпретировался применительно к знаковым событиям середины XIX века: Польскому восстанию, революционному террору, активизации старообрядческого движения, Балканскому кризису. При их осмыслении на первый план выходил вопрос антиномии «закона и благодати», в решении которого Аксаков и Самарин были в целом солидарны, отличаясь лишь «стилистически»: один был пылким художником, другой — строгим ученым-аналитиком.

М. А. Можарова (Москва) приняла в конференции заочное участие, прислав доклад на тему «Ю. Ф. Самарин и Л. Н. Толстой в литературно-эстетическом контексте эпохи». Отметив, что вопросы об исторических путях России, о сущности искусства, о назначении литературы, об общественном положении писателя, об отношении к традиции стали в 1840–1850-е годы предметом споров представителей различных литературных направлений, исследовательница рассмотрела несколько характерных точек сближения Толстого и Самарина. Оценка, данная Толстым спору славянофилов и западников о роли реформ Петра I, по наблюдению докладчицы, совпадает с выводами Самарина: разлучение с народом было неизбежным следствием петровской реформы. Отношение к петровским преобразованиям повлияло и на формирование литературно-эстетических воззрений современников Толстого. Неправомерно связав принцип «искусства для искусства» с именем Пушкина, а значение творчества Гоголя сведя к достоинствам обличительной литературы, некоторые критики внесли путаницу в представления о пути развития русской литературы, противопоставив при этом имена двух великих писателей. Толстой, заявивший о неприятии обличительной литературы, занял ту же позицию, что и Самарин, являвшийся последовательным противником натуральной школы. Раздумья о литературном процессе для Толстого были связаны в этот период с самым важным для него вопросом: посвящать ли всего себя литературе. Итогом сомнений стал для него уход из журнала «Современник» в 1858 году и попытка создания художественного журнала совместно с Тургеневым, Фетом и Боткинским. В речи при вступлении в Общество любителей российской словес-

ности (1859) Толстой назвал себя «односторонним любителем изящной словесности», отделив ее от равно чуждых для него «искусства для искусства» и «изобличительной литературы». Приезжая в Москву по делам издания романов «Война и мир» и «Анна Каренина», Толстой долгу беседовал с Самаринным. Самарин был слушателем еще не опубликованных глав и даже взялся держать корректуру «Анны Карениной». Оценив при первой же встрече в 1856 году «холодный, гибкий и образованный ум» Самарина, Толстой в 1867-м признался, что тот ему «так близок в мире нравственно-умственным, как ни один человек». По Самарину, полагает исследовательница, как по безукоризненному камертону, Толстой сверял верность звучания своего собственного голоса — и писательского, и человеческого.

Заседание завершилось докладом Н. Н. Павлюченкова (Москва) «Отношение П. А. Флоренского к Ю. Ф. Самарину и к идеям славянофилов», перенесшим слушателей в эпоху «русского религиозного ренессанса». Исследователь обратил внимание на то, что главные мировоззренческие установки Флоренского, отразившиеся в его книге «Столп и утверждение Истины», совпадают с теми, которые обнаруживаются в трудах старших славянофилов — Самарина и Хомякова. При сопоставлении так называемого катехизиса Хомякова («Церковь одна») и названного выше главного труда Флоренского легко обнаруживается ряд мыслей и идей, прямо тождественных между собой, и это обстоятельство заставляет пристальнее взглянуть на те места, где Флоренский критикует Хомякова, признавая при этом верными и ценными исходные интуиции славянофильства. Флоренский соглашался с мнением, что понятия «Хомяков» и «славянофильство» почти тождественны, и богослова можно понять в том смысле, что славянофильство «заблудилось» благодаря своей некритической оценке Хомякова. Постановка Церкви в центр всей человеческой жизни и даже всего тварного бытия — только одна из ценных Флоренским позиций. Другие — это «соборность сознания» и признание важности традиции или, по Флоренскому, «народного опыта». Флоренский отмечал замкнутость славянофильского движения, объясняя ее тем, что славянофилы находились в тесных родственных связях. Расположенностью решать важнейшие вопросы в кругу «семейного чаепития» Флоренский пытался объяснить «настойчивую борьбу» славянофилов «против твердого начала — в Церкви, в государстве, даже в мышлении». Однако, подвергая славянофильство и Хомякова критике, Флоренский никогда не обвинял их в лукавстве, в стремлениях любой ценой завоевать то, что можно назвать «общественным мнением». И здесь особенно важна фигура Самарина. Исследователь отметил, что именно в его сочинениях Флоренский нашел созвучие собственному отношению к сознательной лжи и к попыткам ради какой-либо внешней цели «договориться» со своей совестью.

³ Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова, О. Л. Фетисенко, В. Ю. Шведов. СПб., 2016 (Славянофильский архив; кн. 3).

На втором заседании преобладали доклады исторической тематики, при этом, что особенно важно в связи с местом проведения конференции, звучали имена *петербургских* славистов и «панславистов». Так, доклад, открывший заседание, был посвящен взаимоотношениям Самарина и Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914). А. В. Малинов (Санкт-Петербург) на основе эпистолярных и дневниковых материалов рассмотрел историю деловых и творческих взаимодействий славянофилов, принадлежащих к двум разным поколениям, продемонстрировал истоки формирования мировоззрения Ламанского, охарактеризовал особенности его понимания славянофильства, а также представления историка о происхождении этого учения. Вначале увлечение Ламанского славянофильством носило чисто «кабинетный» характер, однако знакомство со славянскими народами, преподавание славистических дисциплин в Петербургском университете способствовали выработке самостоятельного учения о трех цивилизационных мирах. Ламанский был крупнейшим представителем петербургского «академического» славянофильства. Докладчик заметил, что Самарин, в отличие от И. Аксакова, не стал связующим звеном между московскими и петербургскими славянофилами. Происхождение и род занятий Ламанского и Самарина слишком отличались, но в то же время возможно обнаружить некоторые совпадения в круге их деятельности и волновавших их проблем: интерес к положению неславянского населения на окраинах государства, понимание «униатства» в качестве исторического типа или даже синонима западничества, критика «немецкой партии», склонность к практической деятельности, публицистическая направленность работ.

Д. А. Бадалиан (Санкт-Петербург) в докладе «Ю. Ф. Самарин и борьба с „немецкой партией“. 1840–1870-е гг.» рассмотрел историю одного из «дел жизни» славянофила. Выражением «немецкая партия», которое Самарин впервые использовал в «Письмах из Риги» (1848), пользовался целый ряд его современников, в 1870-е годы оно вошло в делопроизводственные документы, а в XX веке стало научным термином, который применяли С. Г. Исаков, М. М. Духанов, В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон, а в последние десятилетия О. А. Проскурин, С. В. Березкина, Р. Г. Скрынников, С. М. Сергеев, Л. Ю. Высокочков, А. Ю. Минаков и др. Борьба с «немецкой партией» как антинациональным направлением периодически возобновлялась в XIX веке в системе образования, в литературе и журналистике. Первым высокопоставленным деятелем, позволившим себе длительные противоречия с «немецкой партией», стал гр. С. С. Уваров, а первым общественным деятелем — Самарин. Начальный этап этой борьбы связан с распространением в 1848–1849 годах рукописей «Писем из Риги», в которых, характеризуя презрительное отношение в прибалтийских губерниях немцев к русским, латышам и эстонцам, автор

замечал: «...мне кажется, Россия присоединена к Остзейскому краю и постепенно завоевывается остзейцами». Самарин объяснял, что представления о родине у остзейцев заменяет идея «подданства»: они служат не стране, а императору, так же как их предки служили своему сюзерену. В результате таких заявлений Самарин, как известно, был арестован, провел 12 дней в Петропавловской крепости, а затем попал под надзор III отделения. Именно после этого эпизода отношение власти к славянофилам стало неизменно подозрительным, что отражалось на судьбе славянофильских изданий. Второй этап борьбы с «немецкой партией» связан с подготовкой Самариным в марте 1867 года передовых статей газеты «Москва», посвященных остзейскому вопросу и, в частности, притеснению православных в прибалтийских губерниях. После этого цензура приостановила газету на три месяца и окончательно закрыла годом позже, после публикации статей И. Аксакова на ту же тему. Осенью 1868 года увидели свет первые две части книги Самарина «Окраины России». Она была запрещена к распространению внутри страны, а ее автору объявлен высочайший выговор. Вслед за этим Самарин подготовил еще четыре части «Окраин России», которые рассказывали о безраздельном господстве остзейских дворян, об угнетении латышей и пренебрежительном отношении к русским. Все выпуски, включая последний, вышедший после смерти автора в 1876 году, были запрещены цензурой.

Другому острому политическому вопросу 1860-х годов, мимо которого не прошел и Самарин, был посвящен доклад А. Э. Котова (Санкт-Петербург) «Народность или сословие? Антипольская публицистика „Вестника Юго-Западной и Западной России“ (1862–1864 гг.)». Журнал Ксенофонта Антоновича Говорского (1811–1871) «Вестник Юго-Западной и Западной России» стоит у истоков так называемого западнорусского направления, рассматривавшего малороссов и белорусов как западных представителей единого русского народа. По выражению А. Н. Пыпина, «это была смесь старинного „Маяка“, позднейшей „Домашней беседы“ с прибавкою новых „политических“ идей». Под последними публицист подразумевал прежде всего идеи политического национализма. Однако стереотипному образу реакционного издания «Вестник» не соответствовал. Антипольская публицистика журнала при всей своей монотонной бескомпромиссности также не носила сословно-консервативного характера. И, хотя тексты «Вестника» не являлись эталоном хорошего вкуса и концептуальной новизны, статьи журнала Говорского, как и знаменитая полемика Самарина с газетой «Весть», были частью противостояния двух ветвей русской политической культуры.

Доклад Е. С. Левшиной (Санкт-Петербург) «Сербский взгляд на объединение славян» был посвящен неопубликованным материалам выдающегося сербского ученого и общественно-политического деятеля Стояна Новаковича

(1842–1915), хранящимся в Пушкинском Доме, — письмам к представителям российской науки и публицики, в том числе к А. Н. Пыпину. Письма к нему датируются 1872–1879 годами, разнообразны по содержанию и представляют значительный интерес для исследователей. С Пыпиным Новакович связывали проникнутые взаимной симпатией и уважением деловые отношения. Ученые обменивались своими трудами и пересылали друг другу работы коллег. Пыпин неоднократно, особенно в период подготовки серии статей «Панславизм в прошлом и настоящем» (1878), обращался к Новаковичу с просьбами сообщить о современной сербской научной литературе по этой теме. Новакович высоко оценил статьи Пыпина как «первый настоящий разговор» о панславизме, отметил полное сходство позиции ученого с собственными размышлениями и обрисовал картину развернувшейся в сербском научном мире дискуссии по данному вопросу. В своеобразном «библиографическом обзоре» он упомянул труды филологов Дж. Даничича, Й. Илича, Дж. Вукичевича, военачальника А. Орешковича, юриста и социолога Б. Богишича. Малоизвестность работ о панславизме Новакович объяснил тем, что «для каждого серба главное — освобождение и объединение его народа, и он будет заискивать перед всяким другом, который совершает для него это дело, или перед врагом сербских врагов», поэтому объединение славян сербов попросту не интересует. Сам Новакович предстанет в этих письмах как ученый и политический деятель, не понаслышке знавший не только об общеславянских ценностях, но и о разногласиях и неразрешимых противоречиях между братскими народами.

Заседание завершил доклад О. Л. Фетисенко (Санкт-Петербург) «Итальянские древности и новости в эпистолярных откликах Юрия Самарина (1864–1865)», сопровождаемый видеорядом — фотографиями, сделанными исследовательницей в тех местах, которые посетил московский славянофил, а также копиями автографов впервые вводимых в научный оборот писем. Заграничное путешествие Самарина, длившееся без малого год, — значимая, но еще малоисследованная глава его биографии. Центральное место в этом путешествии заняли поездки по Италии. В то время еще не вся страна была объединена, и Самарин, таким образом, посетил сразу несколько государств на Апеннингах: земли, занятые Австрийской империей (Триест, Венеция), новоустроенное королевство (его столицей была Флоренция), папскую область (Рим) и земли, лишь недавно оставленные Бурбонами (Неаполь). Поразили славянофила остатки римских древностей в Истрии (сейчас это территория Хорватии), прежде всего, Колизей в г. Пола, и в еще большей степени Венеция, причем тоже в самой древней своей части, условно говоря, «византийской» (храмы острова Торчелло и мозаики Сан Марко). Материалом доклада стали письма Самарина к И. Аксакову,

кн. В. А. и Е. А. Черкасским и Ф. В. Чижову. Часть писем не только не издавалась, но и вообще не привлекала внимания исследователей, между тем они не только содержат любопытные биографические подробности, но прежде всего открывают самого деятельного из всех славянофилов с непривычной стороны: *отдыхающего*, как просвещенного путешественника, внимательно и с мягким юмором оценивающего все встречаемое на пути.

Первый день конференции завершился презентацией изданий, подготовленных сотрудниками ЦТН (собрание сочинений И. С. Аксакова, переписка Н. С. Соханской и семьи Аксаковых и др.), и монографии Е. И. Анненковой «Константин Аксаков. Веселье духа» (СПб., 2018).

Второй день конференции был начат еще одним «заочным» докладом. С. В. Мотин (Уфа), составитель «Материалов к Летописи жизни и творчества И. С. Аксакова», в сообщении «„Ответ иезуиту отцу Мартынову“ в переписке И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина» на основе указанного эпистолярного комплекса и ряда сопутствующих материалов построил хронику полемики славянофилов с парижскими русскими иезуитами, уделив особое внимание истории публикации указанного труда Самарина.

В. А. Фатеев (Санкт-Петербург), много лет посвятивший возвращению памяти о пастыре и богослове, видном деятеле иосифлянского движения, близком друге о. П. Флоренского протоиерея Федоре Константиновиче Андрееве (1887–1929), выступил с обстоятельным докладом о его несохранившемся труде — монографии о Самарине, выросшей из кандидатской (1913) и магистерской (1916) диссертаций (защита второй не успела состояться). От всей работы, посвященной эволюции мирозерцания Самарина от гегельянства к Православию, уцелел лишь черновик кандидатского сочинения и разрозненные подготовительные материалы (рукопись монографии была конфискована ОГПУ в 1930 году при аресте вдовы о. Федора). Но и эти источники позволили исследователю реконструировать содержание книги и весь ход работы над ней. Накануне, во время презентации новых изданий, собраных была представлена только что выпущенная издательством Православного Свято-Тихоновского государственного университета книга «Я избрал путь истины, Господи. Жизненный путь и служение протоиерея Феодора Андреева» (М., 2019), составленная дочерьми священника при тесном участии Фатеева. Кроме него, о подготовке издания рассказала редактор книги И. В. Щелкачева.

В докладе А. П. Дмитриева (Санкт-Петербург) «Наследники А. С. Хомякова: совместные литературные проекты Ю. Ф. Самарина и Н. П. Гилярова-Платонова» Самарин был показан как профессиональный филолог. Докладчик напомнил о негласном «распределении обязанностей» в славянофильском кругу. В первые годы существования

славянофильства богословско-философская проблематика была «специальностью» И. В. Киреевского и Хомякова, впоследствии — Самарина и Гилярова-Платонова. Наиболее близким себе по основным мировоззренческим интуициям (особенно во взглядах на религию, историю и современную им философию) оба считали Хомякова, и тот нередко отдавал предпочтение именно им, призывая их к творческой полемике — как в форме дружеского спора в гостинице, так и в печати. После кончины Хомякова Гиляров и Самарин по-настоящему сблизились, и прежде всего — в связи с подготовкой к изданию литературного наследия Хомякова, ход работы над которым проясняется благодаря их неопубликованной переписке, хранящейся в ОР РНБ (Ф. 847. № 474, 686). Исследователь выяснил, что речь Гилярова «О судьбе убеждений. По поводу смерти А. С. Хомякова» (1860) по совету Самарина была доработана автором для печати, с тем чтобы «воссоздать его (Хомякова. — О. Ф.) духовный образ в его цельности и единстве». Самарин и Гиляров совместно готовили к изданию богословские сочинения Хомякова в 1860–1867 годах, ими было сделано три варианта перевода с французского его богословских брошюр, но мера участия каждого была различна. Первый перевод создан Гиляровым и напечатан в журнале «Православное обозрение» (1863. № 10–11; 1864. № 1–2), второй вариант (1864) принадлежал Самарину, окончательный, третий (1867), на основе предыдущих тоже сделан Самариним, пользовавшимся консультациями Гилярова. Трудоемкость работы объяснялась тем, что язык брошюр был насыщен идиомами,

восходящими к стилю французской классики XVII века, а передача религиозной терминологии требовала, чтобы был прочтен опыт переводов святоотеческого наследия. Еще один проект, объединивший Гилярова и Самарина, развивал критику Хомяковым католичества. В ноябре 1865 года Самарин начал публиковать свои пять «писем об иезуитах», в подготовке и публикации которых действительно участвовал Гиляров: держал корректуру, делал замечания, вносил поправки.

Вечернее заседание второго дня было проведено как «круглый стол» на близкую славянофилу-юбиляру тему: «Консерватизм не значит конформизм». Однако поводом к заключительному аккорду конференции стали уже другие даты — 150 лет со времени издания в журнале «Заря» книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», названной ее издателем (Н. Н. Страховым) «катехизисом славянофильства» и до сих пор вызывающей все новые и новые волны полемики, и пять лет со дня создания (в мае 2015-го) интеллектуального Интернет-ресурса — сайта «Политконсерватизм» («Русская idea»). Дискуссия о современном бытовании классического труда Данилевского (в частности, в контексте актуальных политических проблем) сменилась видеопрезентацией сайта и рассказом председателя редакционного совета проекта «Русская idea» Б. В. Межуева (Москва) о том, как создавался ресурс, о круге его авторов и о том, что представляет собой «несистемный консерватизм» сегодня.

© О. Л. Фетисенко

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-224-228

НАБЕКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2019 ГОДА

Много лет проводившаяся в петербургском Музее Набокова международная конференция «Набоковские чтения» в 2019 году (с 3 по 5 июня) впервые прошла в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и музее-усадьбе Рождествено. Причиной переноса конференции стали события, развернувшиеся в музее весной и приведшие к полной смене сотрудников и руководства.

Приветственное слово произнесли директор Пушкинского Дома В. В. Головин, бывшая заведующая музеем Т. О. Пономарева, которая выразила благодарность Институту русской литературы, принявшему в своих стенах «Набоковские чтения», а также председатель оргкомитета конференции, профессор Бостонского колледжа М. Д. Шраер (США).

Конференция открылась докладом Кэнси-на Мацумото (Япония) «И. С. Тургенев и В. В. На-

боков — шахматная связь между двумя писателями». Со следующим докладом «Набоков и советская литература («Приглашение на казнь»)» выступил А. А. Долинин (США). В докладе впервые рассматривался вопрос об отношениях романа «Приглашение на казнь» с советской литературой и текущими событиями в СССР. Обратив внимание на фрагмент черновика, вычеркнутый Набоковым, Долинин показал, что по первоначальному плану роман «Queercus», который читает Цинциннат Ц., должен был принадлежать перу русского автора по фамилии Летчиков или же быть коллективным сочинением. Оба варианта отсылают к событиям в советской политике и культуре 1934 года — установлению культа летчиков-героев после успешной операции по спасению челюскинцев и к выходу в свет позорной книги тридцати семи советских писателей во главе